

Свиридов Георгий

Русский Телеграф. — 1998. —

— 22 апр. — с. 10

Пригвожденный к эталонной стойке

В память Георгия Свиридова Дмитрий Хворостовский
и Михаил Аркадьев исполнили Малера и Свиридова

● Строгая и стройная программа — неписанный закон вечеров памяти. Но в данном случае под очертания простого правила удалось подставить красивый замысел. Сделать родственниками трагедийного Малера и хитроумного Свиридова — ход выразительный и свежий, особенно с учетом того, что обаятельно простая мысль не лежала на поверхности.

Свиридова и Малера роднит поэтика поздних стилей. В одном случае — позднего романтизма, ностальгически фиксированного на улыбающем прошлом. Утрированные формы, фигуры речи, взятые на дистанции, превращают стиль в собственное зазеркалье.

Что до Свиридова, почти все его творчество подобно позднему стилю — рапсодийному потоку расхожих интонаций и забористых клише, между которыми вдруг обнаруживаются смысловые и стилистические зияния, выглядывает изнанка банальности. Впрочем, зазеркалье советской музыки Свиридов выстраивал почти что параллельно с ее зубодробительной историей, став для нее не послесловием, но оправданием. Если вспомнить, что и сама совмузыка — своеобразный выворот традиций XIX века, то вся программа окажется изящной цепью послесловий. А пара «Малер плюс Свиридов» — не диковатой, но естественной и осмысленной. В сопоставлении, как в творчестве обоих, есть даже скромная порция нешумной иронии.

Жаль одного — в том, как вся эффектная по замыслу программа пелась и игралась, изящества и осмысленности было куда меньше. Раритетный на местной сцене малеровский цикл «Песни об умерших детях» (версия для голоса и фортепиано) — тест для Хворостовского и для публики одновременно. Последняя внимала тихим песенкам не без труда — бурный массовый бронхит между номерами свидетельствовал об умственном и эмоциональном напряжении аудитории, доходившем до критической точки. В то же время и Хворостовский свой сложнейший тест — на чувство стиля, на периодически мерцающее в прессе звание наследника Фишера-Дискау, на тонкость интонации, благородство эмоции и ненавязчивый интеллектуализм — сдал не без потерь и не на сто процентов. Главное, что не далось харизматическому обладателю красивого баритона, — скрытая экспрессия, глубоко спрятанная в мелочах и простоте рисунка, просвечивающая в бесхитростной чистоте интонации. Оказалось, других средств, кроме неуместного форсирования

звука, неумно шумного дыхания и активной жестикуляции, для выражения внутренней экспрессии у Хворостовского нет. Экспрессия оказывается непоправимо внешней, разрушая строй и строгость цикла.

Преодолев сопротивление трудного немецкого материала, на Свиридове любимец публики должен был исправить не вполне благоприятное впечатление. Удалось отчасти. В фойе после концерта я услышала следующее мнение: «Вначале что-то у него куражу не хватило, потом — лучше». Куражу в исполнении последнего свиридовского вокального цикла «Петербург» у Хворостовского действительно было много больше. До такой степени, что «Богоматерь в городе» допевать уже оказалось нечем. В мерно покачивающемся, монотонном финале цикла голос не звучал совсем. Вероятно, слишком много сил ушло на бодрую кобзонью стать первой кульминации цикла — песни «Голос из хора» — и нестерновскую удаль второй — песни «Пригвожден к трактирной стойке». Мощные прорывы в стереотипы советского вокального мастерства оказались выразительней, чем все старания ворожить простой и, согласно мнению многих, — таинственной музыкой Свиридова. Всего несколькими гвоздями сам Хворостовский оказался пригвожден к трактирной стойке расхожего вокального стиля (в чем Михаил Аркадьев, игравший прозрачный текст с поистине бетховенским накалом страсти, ему помог). Двойное дно традиционного музыкального языка, если оно и есть (о чем захватывающая дискуссия еще не закрыта: кому слышится в Свиридове стихийный минимализм, кому — наследие русских классиков, кому — иронический неотрадиционализм, кому — просто золотой песок в мутной воде советского стиля), здесь не прослушивалось вовсе.

Это не было бы так важно, если бы трактовки Хворостовского свиридовских вокальных сочинений не считались более чем авторитетными — авторизованными. «Петербург», своеобразием подобный избушке на курьих ножках, звучал развернутым на Запад — с русским духом, Русью пахнущим. Пропаганда певцом свиридовского творчества на мировой сцене (частые исполнения, запись цикла «Отчалившая Русь» на Philips Classic) делает трактовку эталонной. А жаль. Эта избушка в высшей степени поворотлива, и ее, пожалуй, еще можно развернуть в совершенно неожиданном направлении.

Юлия БЕЛЕРОВА

22.04.98

58